

ADAM NOWAKOWSKI (*Krosno*)

ОБРАЗЫ ФИНЛЯНДИИ, ШВЕЦИИ И РОССИИ
В ПОВЕСТИ НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА
ЕГОР ИВАНОВИЧ СИЛЬВАНОВСКИЙ, ИЛИ
ПОКОРЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Abstract

THE IMAGES OF FINLAND, SWEDEN AND RUSSIA IN A SHORT NOVEL BY NESTOR KUKOLNIK,
YEGOR IVANOVICH SILVANOVSKIY, ILI ZAVOYEYANIYE FINLYANDII PRI PETRE VELIKOM

Summary

The paper focuses on an analysis of the images of Finland, Sweden and Russia in Nestor Kukolnik's short novel *Yegor Ivanovich Silvanovskiy, ili zavoyevaniye Finlyandii pri Petre Velikom* using an imagological approach. The analysis shows that the images are based on stereotypes already existing in Russian literature but are also determined by the current imperial ideology.

Key words: imagology, Kukolnik, Finland, Sweden, Russia.

Введение в проблематику статьи

В современном мире в результате происходящих процессов глобализации и мультикультурализма, порой неожиданно приводящих к укреплению национальных идентичностей, мы все чаще сталкиваемся с очень сложными проблемами межкультурного диалога. Одним из главных факторов, усложняющих его, являются сформировавшиеся в основном в текстах культуры и бытующие часто долгое время представления о широко понимаемом Другом. В данной обстановке изучение образа Другого и механизмов его создания становится одной из самых важных задач, стоящих перед современными гуманитарными науками. Об актуальности и перспективности данного вопроса свидетельствует появление отдельной междисциплинарной научной школы – имагологии, которая особенно в последние годы переживает расцвет в Западной Европе и России¹.

¹ К числу наиболее авторитетных современных западных ученых-имагологов следует отнести Йупа Леерссена, Даниэля-Анри Пажо и Вальдемара Захарасевича. Среди работающих в данной области российских исследователей стоит особенно выделить Олега Полякова и Алексея Ощепкова. В Польше имагология не пользуется популярностью, однако целесообразно обратить внимание на работы Малгожаты Свицкой и Марты Хашевич-Рыдель.

Имагологи справедливо считают, что даже если образы Другого являются собой всего лишь протезами знания и опыта, то есть в небольшой степени соответствуют действительности, они в любом случае способны оказывать влияние на окружающий нас мир. Как замечает немецкий историк Вольфрам Ветте: „Их сила заключается в том, что в них верят, а не в том, отражают ли они, и в какой мере, реальность”². Поэтому ключевое значение имеет выявление источников образов, механизмов их возникновения и очередных этапов трансформации, чтобы лучше их понять, а в нуждающихся в этом случаях – предпринять попытку их обезвреживания³.

Имагологическое толкование термина „образ” отличается от общепринятого в литературоведении, понимаемого как „всеобщая категория художественного творчества; присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов”⁴. Образ в имагологическом исследовании это скорее „вид представления, касающегося лица, этнической или национальной группы, а также страны или региона”⁵.

Можно назвать несколько отличительных черт образа в имагологическом толковании этого термина. Во-первых, следует подчеркнуть их нефальсифицируемость и эмпирическую непроверяемость. Во-вторых, в отличие от стереотипов, обычно характеризующихся поверхностностью, образы многомерны и многозначны. Они тоже имеют аксиологический характер, но он более разнообразен (например, вместо простой антитезы *хороший – плохой*, мы чаще встречаем более тонкое сопоставление *лучше – хуже*). В-третьих, образ содержит атрибуты морально-этического и характерологического характера (например, *финны честны, угрюмы и ленивы*), часто выступающие в виде соединения общественных фактов с коллективными психологическими портретами (например, *московский Арбат – улица художников*). В-четвертых, образы динамичны. Они могут проходить модификации в зависимости от угла зрения, а также политической обстановки и культурной обусловленности.

Существуют три типа образов:

- автообраз – то есть образы себя (*наши о нас и других о них самих*),
- гетерообраз – то есть образы со стороны (*наши о других и других о нас*),
- метаобразы – наши образы, которые мы приписываем другим.

² В. Ветте, *Образы России у немцев в XX веке // Россия и Германия*, ред. Б.М. Туполев, Вып. I, Москва, 1998, с. 226.

³ При этом следует подчеркнуть, что в связи с конструктивистским и прагматическим подходами, в имагологическом исследовании по принципу нельзя рассуждать о „правдивости” или „фальшивости” образов.

⁴ И.Б. Роднянская, *Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий*, ред. А.Н. Николюкин, Москва 2001, с. 669.

⁵ M. Chaszczewicz-Rydel, *Obrazy Bałkanów. Mity, stereotypy, nowa imagologia*, Wrocław 2013, s. 57. Все переводы с польского языка в данном исследовании наши.

Как правило, автообразы чаще всего положительно окрашены, тогда как гетерообразы – отрицательно. Это связано с хорошо освещенной социальными психологами тенденцией приписывать себе и членам нашей группы положительные качества, а другим, отличающимся от нас, – отрицательные⁶.

Независимо от типа в большинстве случаев образы проявляют редукционистские тенденции, сводя сложные ситуации и исторические процессы к топосам и клише. Вследствие этого их иногда рассматривают как форму стереотипов, но в отличие от них, они динамичны, неустойчивы, часто подлежат переоценке, а со временем – как доказывает Йуп Леерссен⁷ – даже складывается их противоположность⁸. Эти контробразы не сносятся, а наслаиваются, что приводит к их внутреннему контрасту и амбивалентности.

В основе имагологии лежит интердисциплинарность. При анализе исследователи могут пользоваться достижениями разных дисциплин (например, истории, социологии, психологии), а также наук (например, географии). В спектр ее интереса входят произведения различных видов искусства (как высокого, так низкого), фольклор, медиа.

Несмотря на такой широкий диапазон научного исследования, по мнению Леерссена, имагология остается по преимуществу литературоведческой школой в связи с первенствующим статусом литературы в имагологическом анализе. Причиной этого является тот факт, что среди всех текстов культуры, именно литература играет ведущую роль в формировании общественного мнения, в том числе и вследствие создания, упрочнения и распространения стереотипов⁹. Именно литература, несмотря на свою условность, лучше всего способна воссоздать атмосферу человеческих отношений, менталитет и речь. Литература столетиями служила основным источником знаний об окружающем мире, она пользуется доверием читателей и создает иллюзию реальности, оказывающую большое влияние на них. Она также более „долговечна” чем публицистические статьи, научные работы или различные документы (визуальные, звуковые и звуковизуальные).

Стоит подчеркнуть, что особенную ценность для имагологического исследования представляют собой произведения авторов, зачастую уже забытые, не всегда являющиеся шедеврами, но зато пользовавшиеся в свое

⁶ J. Jaspars, M. Hewstone, *Cross-cultural interaction, social attribution and inter-group relations* // *Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interactions*, red. S. Bochner, Oxford 1982, s. 145.

⁷ J. Leerssen, *Image, [w:] Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*, red. M. Beller, J. Leerssen, Amsterdam – New York 2007, s. 343–344.

⁸ Это правило лучше всего видно на примере образа немцев, которых в XVIII веке считали грубиянами, в XIX веке – романтиками и философами, а в XX веке – бездушными технократами.

⁹ Следует, однако, добавить, что начиная с XX века, все большую роль в создании, упрочнении и распространении стереотипов играет кино, телевидение и Интернет.

время большой популярностью. Справедливо замечание выдающегося писателя Михаила Салтыкова-Щедрина:

Есть литературные произведения, которые в свое время пользуются большим успехом и даже имеют немалую долю влияния на общество, но вот проходит это „свое время“, и сочинения, представлявшие в данную минуту живой интерес, сочинения, которых появление в свет было приветствовано общим шумом, постепенно забываются и сдаются в архив. Тем не менее игнорировать их не имеют права не только современники, но даже отдаленное потомство, потому что в этом случае литература составляет, так сказать, достоверный документ, на основании которого всего легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования. Следовательно, изучение подобного рода произведений есть необходимость, есть одно из неизменных условий хорошего литературного воспитания¹⁰.

Выбирая тему данной статьи, мы руководствовались именно этим замечанием Салтыкова-Щедрина.

Об авторе

Сейчас Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868) безусловно можно назвать автором забытым. Его богатое литературное наследие не читают. Оно не вызывает также особого интереса у исследователей¹¹. В учебниках по истории русской литературы он едва упоминается. Однако, по словам современника, его слава была такова, „что трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестящее той, какою в то время [конец 30-х и начало 40-х годов] пользовался Кукольник“¹².

Кукольник родился в Санкт-Петербурге в семье русина и польки. Ключевое значение в его жизни имели годы обучения в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине (1824–1829). Его считали на редкость одаренным учеником. Впечатляли его лидерские качества, знания (особенно в области истории), многоязычие (владел польским, латинским, немецким, французским, а в будущем – также итальянским) и большой литературный талант. Вместе со своими выдающимися одноклассниками, Николаем Гоголем и Евгением Гребенкой, они предпринимали первые писательские попытки и публиковали их в издаваемом ими вместе рукописном журнале „Звезда“.

После выпуска Кукольник переехал в Вильну (ныне Вильнюс), где работал учителем русской словесности. Его трудолюбие и профессиональные

¹⁰ М.Е. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений в двадцати томах*, т. 5, Москва 1966, с. 455.

¹¹ Редким исключением является, пожалуй, лучший знаток творчества Кукольника и первый, кто оценил по достоинству значение этого писателя для истории русской литературы, – украинский историк Александр Николаенко.

¹² И.А. Кубасов, *Кукольник, Нестор Васильевич*, [в:] *Русский биографический словарь*, ред. А.А. Половцов, т. 9, Санкт-Петербург 1903, с. 534.

достижения обратили на него внимание ректора Виленского университета Вацлава Пеликана и попечителя Виленского учебного округа Николая Новосильцева, которые в дальнейшем способствовали его карьере.

В 1832 году Кукольник переехал в Санкт-Петербург, где стал служить по Министерству финансов, Министерству народного просвещения и Военному министерству. Одновременно развивалась его карьера литератора. Опубликованная в 1833 году „драматическая фантазия” *Торквадо Тассо* снискала ему популярность. Однако по-настоящему славным Кукольник стал благодаря поставленной в январе 1834 года исторической драме *Рука Всевышнего Отечество спасла*, одобренной самим Николаем I, замечательно воплощающей русскую монархическую доктрину. Именно чрезмерный пафос и резкий патриотизм станут характерными чертами его творчества, а также причиной упреков со стороны литературной критики.

С 1843 года Кукольник служил в канцелярии Военного министерства, что являлось причиной его многочисленных, длительных командировок, а также меньшей литературной активности. Утомительные поездки привели к ухудшению состояния его здоровья, в результате чего в 1857 году был вынужден уйти в отставку. Остальную часть жизни провел в Таганроге, где, кроме литературы, занимался общественной деятельностью.

Кукольник был на удивление плодовитым автором, сочинившим десятки произведений и стихотворений, работающим в различных литературных жанрах. Самые характерные для него – историческая драма и исторический роман. Его сочинения пользовались особой популярностью (многие пьесы шли на сцене десятилетиями). Это обуславливалось востребованностью заложенной в них идеологии как средними классами, так и властью. Однако художественное дарование Кукольника не стоит на высоте его плодовитости. Его упрекали в однообразности сочинений, отсутствии психологической глубины, а также патриотической тенденциозности.

Отсутствие у Кукольника качеств по-настоящему выдающегося писателя, новые веяния в русском обществе, появление многих талантливейших писателей – все это привело к тому, что с конца 40-х годов он постепенно сходил с литературной сцены. Сочинял до конца своей жизни, но уже никогда не удалось ему вернуться из забвения. Хорошо свидетельствует об этом то, что вышедшее в 1850-х годах собрание его сочинений не пользовались никаким спросом¹³.

¹³ [Б.п], *Кукольник, Нестор Васильевич*, [в:] *Энциклопедический словарь*, ред. Ю.С. Гамбаров [et al.], т. 26, Москва 1914, с. 153–154; И.А. Кубасов, *Кукольник, Нестор Васильевич*, [в:] *Русский биографический словарь*, ред. А.А. Половцов, т. 9, Санкт-Петербург 1903, с. 533–536; Н.Г. Охотин, А.М. Ранчин, *Кукольник, Нестор Васильевич*, [в:] *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, ред. П.А. Николаев, т. 3, Москва 1994, с. 212–215.

О сочинении

Повесть Нестора Кукольника *Егор Иванович Сильвановский, или покорение Финляндии при Петре Великом* впервые вышло в свет в 1845 году. Она была опубликована в первом номере журнала „Финский вестник”, ставившего себе целью прежде всего знакомить русского читателя со скандинавскими странами, между прочим посредством литературы. В 1852 году она была переиздана в собрании малой прозы писателя¹⁴.

Сочинение относится к близкому Кукольнику жанру **исторической повести**. Его действие проходит в прошлом, в любимой автором эпохе Петра I, а точнее в **1702–1714 годах**, во время Северной войны. Место действия – **Або** (ныне Турку), то есть тогдашняя столица Великого княжества Финляндского, и ее окрестности. Героями являються как вымышленные персонажи, так исторические личности (например, князь Михаил Голицын). Согласно поэтике жанра, в сюжете повести частная жизнь персонажей переплетается с историческими событиями (в данном случае – завоеванием Финляндии русскими войсками). Обращает на себя внимание недостаточная забота автора о воссоздании исторического и местного колорита. В результате в сюжете произведения отчетливее проявляются политический и идеологический идеалы Кукольника, чем необходимое стремление к „исторической правдивости” (например, в повести финские партизаны сражаются на стороне русских войск, хотя в действительности они воевали против их)¹⁵. Этот факт, однако, делает повесть даже более интересной для имагологического анализа.

В свойственной Кукольнику писательской манере, в основе повести лежит довольно банальная любовная интрига, которая обрастает бытовыми и языковыми приметами времени¹⁶. Действие повести начинается в 1702 году, когда храбрый финский мальчик Эрик спасает тонущую в море баронессу Отилию Кивинерб и ее дочь Августу. Скоро он с отцом и братьями покидают Або и отправляются заниматься торговлей. Они возвращаются только в знаменитом

¹⁴ Н.В. Кукольник, *Егор Иванович Сильвановский, или покорение Финляндии при Петре Великом*, [в:] Н.В. Кукольник, *Сочинения Нестора Кукольника*, т. 3, Санкт-Петербург 1852, с. 1–89.

¹⁵ А.Н. Копылов, *Истоки и специфика жанра исторического романа*, „Современные гуманитарные исследования” 2011, № 2, с. 72.

¹⁶ Именно насыщенность приметами места и времени позволила Виссариону Белинскому условно отнести малую прозу к натуральной школе: „Как бы то ни было, но повести и рассказы из эпохи Петра Великого несколько освежили увядавший авторитет г. Кукольника, и теперь он, кажется, и сам понимает, что это последняя опора и надежда его литературной известности. В этих повестях и рассказах он сделал невольную уступку духу времени и одною стороною своего таланта примкнул к так называемой натуральной школе, потому что главное достоинство их все-таки в истине и естественности, хотя и в известной только степени”. В.Г. Белинский, *Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Роман. Сочинение Н. Кукольника* // В.Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. 10, Москва 1956, с. 129.

1709 году. Августа узнает Эрика и молодые люди мгновенно влюбляются друг в друга. Они, однако, не могут быть вместе – он простой моряк, а она – дворянка, которую родители заставляют выйти замуж за шведского барона Наварбэ. Чтобы улучшить свое социальное положение, Эрик решает стать студентом Королевской академии Або. Однако по ничемному доносу его скоро обвиняют в чародействе и приговаривают к сожжению. В последний момент мужчину спасают русские во главе с князем Михаилом Голицыным, которые захватывают Або. Признательный Эрик добровольцем поступает на русскую службу, становится офицером и получает новую фамилию: Егор Иванович Сильвановский. Впоследствии он становится причастен к завоеванию Финляндии Россией. Когда недовольный отношениям Эрика со своей дочерью барон Кивинерб попадает в плен и его приговаривают к смерти за нарушение офицерской клятвы больше не воевать на стороне Швеции, Эрик просит милости у князя Голицына. Тот выражает готовность помиловать Кивинерба, если он согласится на женитьбу Августы с русским офицером – Эриком. Повесть заканчивается свадьбой главных героев, во время которой Голицын читает благодарственное письмо Петра I солдатам и офицерам за победу в Финляндии.

Образы

Герои настоящей повести являются финнами, шведами и русскими. Их образы построены на контрастном со- и противопоставлении финнов и русских шведам, то есть положительных персонажей – отрицательным.

Одним из самых запоминающихся событий в повести, аллегорией финско-шведских отношений, является суд профессоров Королевской академии Або над несправедливо обвиняемым в чародействе Эриком. Несколько из аргументов, к которым прибегает шведский профессор Эониус, пытаясь доказать его виновность, является стереотипами, давно бытующими в русской литературе. В том числе в повести Кукольника, несмотря на стремление повествователя выставить Эониуса обскурантом, а его аргументирование – бессмысленным.

Финны – бедный, простой, непросвещенный народ благородных дикарей, живущих в тесной связи с натурой. Данный образ возник в русской литературе в самом начале XIX века в произведениях Константина Батюшкова и Евгения Баратынского. В следующих годах к нему прибегали Александр Пушкин и Владимир Одоевский. В его основе легло романтическое мировоззрение и литературная поэтика эпохи, а также в некоторой степени идеологическая обстановка того времени. Финны считались живым отражением природы своей страны – угрюмыми, дикими, бедными. Одновременно они иллюстрировали собой врожденную добродетельность человека до его соприкосновения с цивилизацией, поэтому подчеркивалась их необыкновенная

честность, верность данному слову, гостеприимство. Показательна в данном отношении фраза Одоевского, называющая финнов „[...] народом древности, перенесенным в нашу эпоху”¹⁷. Ибо все плоды культуры и цивилизации, находящиеся на территории Финляндии (города, крепости, храмы, университет), приписывались исключительно шведам. С другой стороны, из этого следовало характерное для русской литературы первой половины XIX века акцентирование внимания на том, что финны несамостоятельны и неизбежно нуждаются в попечении более продвинутого народа, раньше шведов, а теперь – русских. Данная аргументация позволяла выставить русских благодетелями Финляндии.

В начале повести Эрик вполне вписывается в „романтический” образ финна. Он служит морю, которое его „вырастило на мягкой волне своей”, на нем живет и трудится. Он выше денег ставит честь, поэтому обижается за намеки на то, что он спас Баронессу, надеясь на награду. Наконец, он „бедный моряк и невежа” – не умеет найтись в высшем обществе, не знает иностранных языков и не умеет читать. Показательно, что когда Эониус пытается доказать, что Эрик заключил союз с сатаной, ссылается на его имущество, а также успехи в учебе: „Мог бы ли финн, без этой помощи, так быстро подвизаться на ученом поприще?”¹⁸.

Шведский профессор ссылается также на другой, давно бытующий в русской литературе стереотип. Он обращается к профессору, финну по происхождению, со словами: „Притом же финны весьма падки на чернокнижничество. Должно сильными примерами отучить народ от этого греха. Вы, почтенный собрат, сами верите в разные привидения и только потому, что и наука не разрушила в вас элементов финской натуры”¹⁹. Раньше также отец Эрика упоминает моряка, Олая Тросборга, который сумел доплыть „до самого конца света”, потому что ему помогал „нечистый”: „Он был из наших, из финнов; жил далече, на том конце, за Выборгом; там всяким колдовством люд занимается [...]”²⁰. Черной магией увлекался также один из героев, студент Густав Малинотус, который предает Эрика.

Корни убежденности в наличии у финнов таинственных способностей уходят в глубокое прошлое. О древности таких представлений свидетельствуют как древнерусские летописи, так народное определение Финляндии как „чертовой сторонушки”²¹. В художественной литературе к этому

¹⁷ В.Ф. Одоевский, Саламандра // В.Ф. Одоевский, *Сочинения*, т. 2, Москва 1981, с. 141.

¹⁸ Н.В. Кукольник, *Егор Иванович Сильвановский...*, с. 61.

¹⁹ Там же, с. 60.

²⁰ Там же, с. 11.

²¹ Даль В.И., *Пословицы русского народа*, т. 1, Санкт-Петербург–Москва 1879, с. 434.

образу прибегали, между прочим, Александр Пушкин²² и Владимир Одоевский²³.

Финны и шведы в повести Кукольника принадлежат к двум совершенно разным и редко пересекающимся мирам. Они отличаются по языку, характеру и исповедуемым ценностям. Показательно, что Эрик против свадьбы Августы с бароном Наварбэ, потому что она „дочь Финляндии”, а он – швед.

Финско-шведские отношения носят напряженный характер, так как **шведы угнетают финнов**. В результате по всей стране осталось мало взрослых мужчин, потому что шведы заставили большинство сражаться на войне. Как следствие, некому обрабатывать землю и пасти овец. Эксплуатация доходит до такой степени, что Эрик признает, что уже не чувствует себя в Финляндии как дома: „Я здесь чужой! Родился я на этих берегах, но отец и я, мы столько потерпели от шведского владычества, что и пересказать трудно”²⁴.

Весьма аллегоричным в отношении шведской эксплуатации является описание барона Наварбэ и настоящих причин его ухаживания за Августой: „Барон был уже без баронства; расточительность его и предков оставила только значительный капитал долгов; барон ушел из Швеции от долгов, чтобы в Финляндии поправить свое состояние выгодною женитьбой”²⁵.

Финны тем временем по своей природе не склонны к бунту, поэтому рассчитывают на то, что русские освободят их от шведского ига: „Так теперь только молчать надо, пусть говорят за нас русские пушки”²⁶.

Образ шведов в повести Кукольника до такой степени отрицателен, что финский исследователь Валентин Кипарский даже назвал его „большим шведоненавистником” (*en stor svenskhatare*)²⁷. Их самая яркая черта – неосознаваемое ими самими варварство. Это особенно видно на примере цвета науки – шведских профессоров. Они выставлены обскурантами, которые верят в магию, еще в XVIII веке устраивают охоту на ведьм и готовы казнить Эрика за подозрение в колдовстве:

Все фанатики ужасны, но всех ужаснее фанатики ученые. Эониус [...] стал приближаться к узнику, шепотом повторяя различные заклинания, какие

²² В поэме *Руслан и Людмила* мы читаем: „Но слушай: в родине моей / между пустынных рыбарей / наука дивная таится. / Под кровом вечной тишины, / среди лесов, в глуши далекой / живут седые колдуны; / к предметам мудрости высокой / все мысли их устремлены; / все слышит голос их ужасный, / что было и что будет вновь, / и грозной воле их подвластны / и гроб и самая любовь.” – А.С. Пушкин, *Руслан и Людмила*, [в:] А.С. Пушкин, *Собрание сочинений*, т. 3, Москва 1960, с. 21.

²³ Чтобы вернуть свое потерянное состояние, герой повести *Саламандра* Якко занимается алхимией.

²⁴ Н.В. Кукольник, *Егор Иванович Сильвановский...*, с. 30.

²⁵ Там же, с. 25.

²⁶ Там же, с. 47.

²⁷ V. Kiparsky, *Norden i den ryska skönlitteraturen*, Helsingfors 1947, s. 66.

прошедший семнадцатый век со своими предшественниками придумал против чернокнижников и разного рода и масти колдунов. Эониус верил силе этих заклинаний [...]²⁸.

Показательно, что шведские элиты Або именуют варварами русских, но одновременно предлагают увезти все богатства и сжечь город, вообще не думая о его жителях:

- [...] Зачем нам жечь города?
- Все равно. Русские сожгут.
- Не сожгли же тех городов, что взяли; и если мы уступим Або без боя, я уверен, что он будет цел и невредим.
- А соблазн добычи!
- Богатства увезем; теперь тьма судов в гавани. Прикажите вашим солдатам оцепить гавань, не допускать частных людей спасать свои пожитки; прежде нагрузим суда коронным добром; а если останется место для частных лиц, пожалуй!

Настолько отрицательный образ шведов не характерен для русской литературы того времени, поскольку Швеция уже давно не воспринималась ни угрозой, ни даже соперником для Российской Империи. Однако обсуждая в половине XIX века прежнее и настоящее положение Финляндии, многие авторы подчеркивали, что **шведы правили под знаменем эксплуатации финнов и их страны**. Это делалось с целью выставить в более выгодном свете нынешнее русское правительство, которое, в отличие от шведского, инвестировало в Финляндию значительные средства (например, в развитие Хельсинки) и не требовало ничего взамен, кроме – по словам Фаддея Булгарина – „нравственных ее сокровищ: любви, признательности и усердия”³⁰. Образ шведов в произведении Кукольника вписывается в тот же нарратив.

Русские – самые положительные персонажи повести, а их многочисленные достоинства кажутся даже более яркими по сравнению со шведами. Они спасают от казни Эрика, потому что „нечистого не бояться”; заботятся об абоских студентах, потому что „чтят просвещение”; избавляют Финляндию от шведов и устанавливают долгожданный мир. Показательно, что заняв Або, русские мгновенно создают в нем условия для процветания. Стоящий во главе войска князь Голицын обращается к финнам со следующими словами:

Вы не враги наши; а мы ваши гости на походе! Курица у последнего из вас не пропадет безнаказанно. Это мои солдатушки ведают и ничего не тронут. Налогов и поборов никаких; что платили шведам, то платите и нам; а если

²⁸ Н.В. Кукольник, *Егор Иванович Сильвановский...*, с. 61.

²⁹ Там же, с. 63–64.

³⁰ Ф.Б. [Ф.В. Булгарин], *Путевые заметки и впечатления (Отчет Ф.Б., представленный редакции Северной пчелы)*, „Северная пчела” 1840, № 161, с. 644.

платили им много, уменьшим, разсчитаемся. Внутренние таможи, заставы и все эти ствснительные для доброго торгоу рогатки, выкиньте вон. Торгуи кто чем и сколько хочешъ. Нам вашего добра не надо; своего довольно. И про молитву тоже. Молись каждый по своей вере. За все за это **в заплату прошу у вас доброго порядка, согласия, тишины**³¹.

Финско-русские отношения в повести следует назвать братскими. Аллегорично поступление признательного Эрика на русскую службу и принятие им русского имени – Егор Иванович Сильвановский. Его судьба переплетена с судьбой России, потому что именно от русской победы в Финляндии зависит женитьба на возлюбленной женщине. В конце концов он женится на Августе благодаря тому, что он русский офицер. Их финальный брак воспринимается финнами как „залог ближайшего родства с соседями, которым география и природа приказали быть братьями”³².

Подчеркивание, с одной стороны, „восточного братства” финнов и русских, а с другой, множества достоинств финнов как подданных российской власти, хорошо вписывалось в тогдашний имперский нарратив и интеграционную политику России. Вследствие этого создавался положительный образ Финляндии и одновременно позитивная модель межкультурного взаимодействия между финнами и русскими.

³¹ Н.В. Кукольник, *Егор Иванович Сильвановский*..., с. 68–69.

³² Там же, с. 88.